



Записки Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

1. Поѣздка въ Архангельскъ была вызвана рѣзкими жалобами губернатора Арандаренки на управляющаго палатою Г. И. Министръ М. Н. Муравьевъ, предвидя въ этомъ разладѣ властей возможность неудачной встрѣчи Государя, избравъ меня, представилъ лично министру двора Вл. Фед. Адлербергу. Кромѣ того я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскому, который по своему благорасположенію ко мнѣ сказалъ, что хорошо бы, если бъ я въ Архангельскѣ остался долѣе, на что я не могъ согласиться по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ. Передавъ это М. Н. Муравьеву, я получилъ отъ него удостовѣреніе, что этого не будетъ никакъ, и съ тѣмъ отправился за 1.300 верстъ на сѣверъ.

Въ Архангельской губерніи тогда считалось 240 тыс. душъ казенныхъ крестьянъ и милліоны десятинъ казеннаго лѣса. Предъ выѣздомъ я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ директору канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Гвоздеву, который, не заставъ меня дома, оставилъ записку на цѣломъ листѣ, гдѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, по порученію министра, изъявлялъ полную готовность исполнять всѣ мои требованія и пр. Надо сказать, что въ это время Гвоздева знали всѣ губернаторы, какъ силу дѣйствительную. Кстати этотъ листъ вмѣстѣ съ прочими бумагами попалъ въ мой портфель.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

Арандаренко былъ управляющимъ палатою Г. И. въ Полтавѣ и слылъ за человѣка энергичнаго, но вмѣстѣ злого самодура, писаку и интригана крайняго. Управляющій, Мальте, правовѣдъ, характера мягкаго, обремененный семьей и содержащійся службою, при всемъ стараніи не могъ переносить произвола Арандаренки.

Такой разладъ администраціи края натурально внушалъ министру Гос. Им. опасеніе отъ доносовъ и жалобъ при проѣздѣ Государя,—что и слѣдовало предварить отправкою заранѣе на мѣсто лица, довѣреннаго отъ министерства Г. И.

За двѣ станціи до Архангельска я встрѣчаю мужика съ котомкою за плечами, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда проѣдетъ чиновникъ изъ Питера?

— А что тебѣ?

— Да вотъ я, отъ общества изъ-за Дячерскаго края, прошелъ по владкамъ черезъ болота 80 верстъ съ бумагами и пр.,—вынулъ цѣлый ворохъ, я взялъ все съ собою и велѣлъ явиться въ Архангельскъ.

Пріѣхавъ туда и остановясь на квартирѣ, заранѣе пріисканной, я принялъ Мальте въ мундирѣ и сказалъ:

— Прежде всякаго дѣла прошу васъ покончить дразги: поѣзжайте къ губернатору и скажите отъ меня, что я поручилъ вамъ извиниться и тѣмъ кончить все, что было.

Онъ не соглашался, но я настоялъ, сказавъ, что и самъ сейчасъ поѣду къ Арандаренкѣ, какъ къ губернатору.

Пріѣзжаю и нахожу встрѣчу самую радушную. Хозяинъ явно не могъ придти въ себя отъ такого рѣзкаго перехода въ своихъ отношеніяхъ и благодарилъ, какъ нельзя болѣе. Отъ него я поѣхалъ въ палату и узнавъ, что жена управ. Мальте два дня назадъ родила, хотѣлъ оставить у нихъ свой визитный билетъ, но былъ вынужденъ дойти до кровати больной. Ея крайнее волненіе за участь мужа мнѣ пришлось унимать болѣе часа, но, наконецъ, удалось больную успокоить.

Возвращаясь на квартиру, слышу, что былъ губернаторъ и, не заставъ меня, сказалъ человѣку, что желаетъ осмотрѣть помещеніе и войдя, въ спальню, подошелъ къ письменному столу и сталъ читать бумаги, но какъ прочелъ первый листъ, то вынулъ 3 р., далъ слугѣ и сказалъ:

— Пожалуйста, чтобы генераль былъ всѣмъ доволенъ, я пришлю полицейскаго, что нужно только приказы, все будетъ исполнено.

Взглянувъ на свой столъ, вижу, что листъ, исписанный Гвоздевымъ, лежитъ наверху. Значить, дѣльный губернаторъ, отыскавъ его въ кипѣ бумагъ, даже не успѣлъ положить на прежнее мѣсто; и узнавъ дѣйствительность, измѣнился окончательно, — что и оказалось впоследствии.

Собственно для меня это была явная милость Божія, укротившая раздраженнаго звѣря—человѣка, извѣстнаго своими происками, бывшаго любимца графа Киселева, готоваго на всякую дерзость, доносъ и скандалъ.

Государь съ наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ (нынѣ королемъ) по тракту въ Архангельскъ шестеркою въ коляскѣ, не разъ шелъ пѣшкомъ въ глубокихъ пескахъ. За 160 верстъ на берегу рѣки Двины была построена бесѣдка со спускомъ къ рѣкѣ. Купецъ Брандтъ выставилъ свой пароходъ и тѣмъ порадовалъ царя, не привыкшаго тащиться шагомъ. Во время плаванія на пустынныхъ берегахъ изрѣдка было собрано населеніе: дѣти впередъ, за ними женщины и потомъ мужчины. Государь былъ постоянно на палубѣ и, взглянувъ издалека на такой строй, произнесъ:

— Ну, это поддѣлано.

Когда же пароходъ сближался къ такой группѣ народа, то всѣ остановились на колѣни и отдавали земной поклонъ.

— Ну вотъ, ужъ это не поддѣлано,—говорилъ Государь и кланялся народу милостиво.

На одной изъ колоколенъ сельскихъ церквей послѣ долгаго благовѣста, пономарь далъ такой искусный перезвонъ, что Государь слушалъ съ удовольствіемъ и сказалъ:

— Да, это музыка.

Въ 7 часовъ утра, Государь былъ въ Архангельскѣ встрѣченъ всѣми старшинами: военный губ., Глазенапъ, гражд. губ., Арандаренко, комендантъ, баронъ Соловьевъ и многіе др. Обѣхавъ городъ, побывавъ въ соборѣ и адмиралтействѣ, Государь остановился у Глазенапа.

При представленіи въ залѣ адмиралтейства было много моряковъ и военныхъ и два чина гражданскіе: я и Желтухинъ отъ удѣловъ. Послѣдняго представилъ Арандаренко, а противъ меня Государь остановился и внимательно посмотрѣлъ, видя, что графъ Вл. Осд. Адлербергъ остался на другомъ концѣ зала, я поклонился и произнесъ:

— Членъ совѣта и пр.

— А! знаю, сказалъ Государь; въ эту минуту Адлербергъ подбѣжалъ ко мнѣ, между тѣмъ Государь продолжалъ:

- Ну, что все въ порядкѣ?
- Точно такъ, Ваше Императорское Величество.
- А въ Запечорскій край хлѣбъ доставленъ?
- Все, что нужно, Ваше Императорское Величество.
- А вообще запасы достаточны?
- Вполнѣ.

Государь съ легкимъ поклономъ черезъ всю залу направился къ выходу.

Глазенапъ подошелъ ко мнѣ и пригласилъ на обѣдъ въ 5 часовъ.

За столомъ было ровно 12 человекъ. По правую сторону Царя сидѣлъ принцъ Вюртембергскій, по лѣвую — хозяйка жена Глазенапа; напротивъ хозяинъ и подлѣ него я, — всѣ приглашенные въ лентахъ.

Государь былъ веселъ, много говорилъ по-русски и сряду переводилъ принцу. За 2-мъ блюдомъ, взглянувъ на меня, спросилъ:

- Васъ было трое въ Инженерномъ училищѣ?
- Точно такъ.
- Гдѣ же братья?
- Оба въ могилѣ.

Помолчавъ нѣсколько, онъ снова спросилъ:

- У васъ былъ еще братъ монахъ?
- Точно такъ, Государь.
- А какимъ образомъ онъ попалъ въ монахи?

Я отвѣчалъ:

— По призванію; онъ кончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и вышелъ первымъ, но вскорѣ заболѣлъ такъ опасно, что два доктора по всѣмъ правиламъ науки (Государь взглянулъ на Енохина, сидѣвшаго отъ меня черезъ одного), былъ приговоренъ къ смерти въ 4 часа утра, но когда я пріѣхалъ въ 7, то доктора съ удивленіемъ объявили, что живъ. Въ полночь братъ призвалъ мать, она лютеранка.

Государь сказалъ: — какъ же знаю, и объявилъ, что такъ какъ онъ докторами приговоренъ, то, если останется живъ, просилъ позволенія умереть для свѣта. При одрѣ умирающаго отказа быть не могло. Мать согласилась, и онъ сдержалъ обѣтъ.

Въ тотъ же день съ 8 до 12 было большое гулянье, музыка и рауть въ зданіи, особо выстроенномъ городомъ. Ужинъ былъ великолѣпный: за большимъ столомъ поперекъ залы сидѣлъ Государь, погруженный въ пальмы и зелень; служили ему именитые граждане Брандтъ, Плотниковъ и Кларкъ (все

милліонеры). За поперечнымъ столомъ въ виду Царя было 5 длинныхъ столовъ съ дамами, изукрашенными всевозможными туалетами и цвѣтами. Царь долго любовался такимъ зрѣлищемъ при блистательномъ освѣщеніи и до того увлекся, что ужинъ кончился и Вас. Андр. Долгорукій, сидѣвшій отъ него черезъ г-жу Глазенапъ, два раза проговорилъ:

— Государь!

И наконецъ вызвалъ его подняться. Сидя противъ Царя, я могъ убѣдиться, въ какомъ прекрасномъ настроеніи онъ находился.

Когда вышли на улицу, было свѣтло, какъ днемъ. Тамъ заря съ зарею сходятся, и въ маѣ солнце почти не заходитъ, такъ что, садясь за работу въ 10 часовъ вечера, я писалъ безъ очковъ, а въ часъ ночи опускалъ толстыя сторы, изъ чернаго сукна, чтобы уснуть.

На другой день рано утромъ Государь сѣлъ на пароходъ, пришедшій изъ Кронштадта, и со свитою отправился въ Соловецкій монастырь (300 верстъ). Глазенапъ уговаривалъ меня ѣхать, но я не рѣшился, опасаясь морской болѣзни, которою страдалъ на Черномъ морѣ и теперь при малѣйшей качкѣ на водѣ.

По возвращеніи изъ дальняго плаванія въ Соловки, Государь пробылъ не долго на пароходѣ, пристань была усѣяна народомъ. Нѣсколько дамъ и съ ними Арандаренко спустились съ трудомъ по крутой лѣстницѣ въ лодку и переѣхали на пароходъ, но мы съ старымъ гвардейцемъ комендантомъ, барономъ Соловьевымъ, предпочли остаться на пристани. Скоро къ морскому пароходу подошелъ рѣчной Грандта. Государь со свитою пересѣлъ и тронулся медленно по р. Двинѣ при громкихъ кликахъ народа.

При отъѣздѣ въ Соловецкій монастырь, Глазенапъ спросилъ у меня: стоитъ ли ходатайствовать о наградѣ гражд. губернатору?

Я отвѣчалъ:

— Убѣдительно прошу, это доставитъ ему удовольствіе и всѣмъ облегченіе, безъ ленты черезъ плечо въ санѣ губернатора онъ золъ и придиричивъ, надо его смягчить и пр.

При переходѣ съ одного парохода на другой Государь поздравилъ Арандаренко со Станиславомъ 1-ой степени, тутъ же ему врученнымъ. И, дѣйствительно, было за что; цѣлыя болота на версту и на двѣ по большой почтовой дорогѣ, до того едва проѣздимыя въ перекладной, были застланы бревнами на подо-

біе пловучихъ мостовъ; сыпучіе пески покрыты мелкими вѣтками отъ елей и сосенъ; на восьми станціяхъ выставлено по 100 лошадей для 18 №№ колясокъ царскаго поѣзда; были тройки, приведенныя за 200 верстъ, кучера и фореиторы двѣ недѣли пріучались ѣздить и выѣзжать лошадей въ непривычной сбруѣ; на дорогѣ исправники и становые сновали день и ночь, укрѣпляя пески и болота чѣмъ и какъ можно; словомъ, когда все было готово, то, сдѣлавъ 500 верстъ для осмотра, я не узналъ того пути, по которому пріѣхалъ. Правда, что кромѣ полицейскихъ чиновъ, люди, лѣсъ и деньги, все было казенное, т. е. отъ министерства г-хъ имуществъ, въ чемъ и было главное пререканіе палаты Г. И. Натурально, что подъ такимъ предлогомъ и полнымъ произволомъ Арандаренки было много злоупотребленій,—какъ вездѣ при такихъ исключительныхъ событіяхъ, которыхъ мѣстные дѣятели ждутъ не дождутся.

Въ моемъ положеніи была крайняя задача: найти середину между старымъ и новымъ порядкомъ. Арандаренко, какъ законсерваторъ, дѣйствовалъ безразсечно и безпощадно, а молодой правовѣдъ, Мальте, какъ либераль, настаивалъ на законности, какъ къ людямъ, такъ и матеріаламъ. Но время не допускало разсужденій: все горѣло не легально.

Когда все кончилось благополучно, то послѣ 2-хъ сытыхъ обѣдовъ у губернаторовъ, военнаго и гражданскаго, каждый изъ нихъ по-своему почтили и наградили мое участіе лестнымъ вниманіемъ.

Первый выразилъ усердное желаніе ходатайствовать о наградѣ и просилъ меня указать надежный путь. Я предложилъ написать къ Зеленому (товарищу министра) и, причитавъ его письмо, въ которомъ онъ выразилъ очень многое (между прочимъ, г. Пол—въ сдѣлалъ изъ невозможнаго—возможное), былъ искренно признателенъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что мало на свѣтѣ такихъ умныхъ и добрыхъ людей, какъ Глазенапъ.

Второй, сознавая вполнѣ, что мое личное содѣйствіе дало наилучшее направленіе дѣлу столь важному, заключилъ рѣчь такъ:—а безъ Васъ знаете что бы вышло? Здѣсь устроилась бы слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ такого лица, что мы бы свернули шею вашему Муравьеву.

Сказавъ это, онъ вытащилъ изъ стола 6 листовъ, мелко исписанныхъ, и продолжалъ:

— Вотъ что уже было переписано и что Государь, ѣхавъ шагомъ по пескамъ, непременно бы прочиталъ, такъ у насъ было

разсчитано и вся комиссія была готова. А съ вашимъ появленіемъ все рушилось, такъ судите сами, что вы сдѣлали.

Такая откровенность въ такомъ человѣкѣ, конечно, была мнѣ дѣйствительно пріятна, положивъ предѣлъ не имъ однимъ задуманной козни противъ М-ва.

Отмѣчаю этотъ фактъ служебной дѣятельности, какъ истинное чудо милости Божіей. Никакой умъ и умѣнье не могли бы сдѣлать такого крутого поворота подготовленной интригѣ, какъ листъ бумаги, случайно попавшій въ мой портфель.—Какъ часто въ жизни я убѣждался въ святой истинѣ изреченія Св. Евангелія „Безъ меня не можете творить ничего“.

Поѣздка въ Казань на ревизію палаты Г. И. была также не безъ особыхъ затрудненій. Пришлось ѣхать въ ноябрѣ 58-го г. до Москвы по жел. дорогѣ, а оттуда до Нижняго-Новгорода въ дилижансѣ съ дѣтьми и ихъ матерью на колесахъ. Въ Нижнемъ выпалъ снѣгъ, стала зима, надо было искать зимняго экипажа, нашелся возокъ довольно сносный, въ которомъ по горамъ и ярамъ протащился не безъ хлопотъ и остановокъ. Не доѣзжая Казани нѣсколько станцій были переведены въ свои зимнія помещенія на р. Волгѣ, и дорога улучшилась по льду.

Въ Казани я остановился во дворцѣ у бывшаго товарища по Инж. училищу, военнаго губернатора, Ковлянинова, и нашель своихъ 2-хъ чиновниковъ: Боровкова и Дуве заранѣе пріѣхавшими.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Архангельскѣ, губернаторъ не ладилъ съ управляющимъ палатою Г. Имущ., которымъ былъ Лавровъ. Разница состояла въ томъ, что послѣдній, по его выраженію, „не давалъ спуска первому“, т. е., какъ человѣкъ, знающій свою часть превосходно, бралъ взятки, ни съ кѣмъ не дѣлился и никого не страшился, имѣвъ въ министерствѣ при Киселевѣ свою руку. Велѣдствіе того былъ рѣзокъ, золъ, несговорчивъ и неуступчивъ до крайности. Осмотрѣвъ палату и ознакомьсь съ дѣлами и служащими, я раздѣлил губернію по уѣздамъ: себѣ половину, а другую между 2-хъ моихъ помощниковъ¹⁾, немедленно разѣхавшихся и приславшихъ ко мнѣ съ вопросами въ особыхъ случаяхъ.

Оставаясь въ Казани, я собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, какъ служебныя, такъ и частныя. Тѣ и другія одинаково доказывали, что распря и пререканія Лаврова съ губернаторомъ вредили

¹⁾ Боровковъ и Дуве.

интересамъ дѣла и не могли продолжаться въ ущербъ министерству, какъ по хозяйственной, такъ и по лѣсной части.

Семья Козлянинова состояла изъ жены, лѣтъ 40-ка, и дочери лѣтъ 16-и; обѣ видѣли въ немъ скорѣе командира, чѣмъ мужа и отца, что однако ни мало не нарушало ихъ семейной гармоніи и порядка въ домѣ. Въ городѣ и губерніи онъ также больше командовалъ, чѣмъ управлялъ, бывъ мало знакомъ съ администраціею вообще, но для того времени отличался особеннымъ „безкорыстіемъ“, что и служило укоромъ Лаврову. Обязанный такъ или иначе, болѣе или менѣе согласить дѣйствія этихъ лицъ для пользы службы, я былъ очень затрудненъ въ разговорахъ съ ними.

Здѣсь повторилось со мной то же, что было со мной въ Митавѣ. На 6-ое декабря упр -й, Лавровъ, былъ именинникъ и пригласилъ меня обѣдать. Я принялъ приглашеніе на тѣхъ же условіяхъ: вдвоемъ безъ овацій и безъ тостовъ. Когда узналъ о томъ Козляниновъ, то по званію военнаго губернатора, такъ же точно, какъ гражданскій губернаторъ, Валуевъ, счелъ долгомъ предварить, что буду отравленъ; по его выраженію, „вся штука къ тому подстроена“ и т. д. Не взирая на искреннюю увѣренность и просьбу стараго товарища, я отвѣчалъ, что не могу измѣнить даннаго слова.

Здѣсь, какъ и тамъ, благодаря Бога все обошлось благополучно, и возвратясь домой, я тоже удивилъ и обрадовалъ своего хозяина „удачнымъ подвигомъ“. . . . Нельзя не вспомнить, что тогда это средство отдѣлываться отъ опасной ревизіи было въ ходу: Коварскій въ Одессѣ, а впоследствии сенаторъ въ Костромѣ были жертвами своего усердія.

Ревизія палаты и окружныхъ правленій по уѣздамъ составила цѣлые томы бумагъ, изъ которыхъ былъ составленъ мною отчетъ, вполне удовлетворившій М. Н. Муравьева, утвердившаго все предположенное. Перемены лицъ были сдѣланы немедленно 1859 г. апр. 15-го.

Резолюція г. министра М. Н. Муравьева на моемъ отчетѣ о ревизіи Управленія Гос. Им-въ въ Казанской губерніи:

„Прочиталъ этотъ отчетъ съ большимъ вниманіемъ. Видно, что г. Половцовъ добросовѣстно исполнилъ свою обязанность и весьма подробно и дѣльно представилъ картину управленія Казанской губерніи.

„Грустно видѣть эти безпорядки, но еще грустнѣе получаютъ убѣжденіе, что все это происходитъ оттого, что департаменты не заботятся объ удержаніи должнаго порядка во ввѣренныхъ

имъ управленіяхъ. Они только пишутъ, а о сущности управленія мало заботятся.

„Прошу этотъ отчетъ немедленно разсмотрѣть во всей подробности по принадлежности 1 Д-ту и Лѣсному и представить мнѣ (извлеченіе изъ общаго разсмотрѣнія) отдѣльные доклады по отмѣченнымъ мною статьямъ въ приложенныхъ запискахъ.

„Этотъ отчетъ г. Миллеру и объ успѣхѣхъ мнѣ доложить въ будущій четвергъ, 23-го числа“.

Вскорѣ послѣ того мнѣ поручена ревизія управленія Гос. Имущ. Пермской губерніи, гдѣ былъ управляющимъ палатою Ростовцевъ, а губернаторомъ Константинъ Ильичъ Огаревъ. Оба знали дѣло отлично, но первый во многомъ слушался жены, принимавшей просителей, а второй любилъ покутить, на что сибирскіе выходцы - богачи были готовы во всякое время, для наживы.

Моиими помощниками по ревизіи были: Дуве и Неклюдовъ. Послѣдній явился въ Пермь съ женою, что, конечно, не облегчало, а осложняло его занятія, но какъ онъ состоялъ подъ особымъ покровительствомъ В. Ѳ. Адлерберга, то надо было снисхожденіе. Кстати оказалось, что управляющій имѣніемъ Голубцовыхъ, Кистеръ, былъ радъ случаю принять и удостоить ихъ, какъ знакомыхъ его брата, состоящаго въ Министерствѣ Двора.

Кромѣ трудной работы въ палатѣ и округахъ, пришлось принять особья мѣры по частнымъ пожарамъ въ г. Перми, возмущавшимъ все населеніе. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ народъ относитъ это явленіе къ умышленнымъ поджогамъ. Такъ было и здѣсь. Въ разныхъ частяхъ города находили записки: что „въ такой-то день, такой-то домъ будетъ горѣть“.

Большинство жителей бивакировало за городъ; нерѣдко предсказанія сбывались и тѣмъ возвышали страхъ и панику массы, средства полиціи были крайне слабы и пр. Единственное спасеніе отъ опасности представлялъ въ своей особѣ губернаторъ Огаревъ. Онъ былъ неутомимъ: днемъ и ночью являясь на пожаръ первымъ, распоряжался всѣмъ лично, подавая примѣръ безстрашія массѣ и уговаривая умно всякаго, кто къ нему обращался. Ему обязана Пермь тѣмъ, что не сгорѣла до тла.

Ревизія управленія Гос. Имущ. въ Пермской губерніи такъ же, какъ и въ Казанской, была довольна трудна по дѣлу и

тѣмъ болѣе по переѣздамъ въ уѣзды, напр., въ Верхотуровъ, 300 верстъ отъ Екатеринбургa, гдѣ кромѣ перегоновъ отъ 25 до 30 верстъ ни одной живой личности по дорогѣ не встрѣчалось, а въ городѣ 8 каменныхъ церквей и монастырь. Городъ такъ бѣденъ, что церкви заперты и служатъ въ одной; ихъ много настроено тогда, какъ здѣсь былъ Сибирскій трактъ.

Гостиницъ нѣтъ и остановиться было бы негдѣ, если бы мнѣ не нашли квартиру предварительно.

Въ производствѣ дѣлъ вообще было такъ мало порядка, что я счелъ за лучшее посовѣтовать управляющему просить о причисленіи къ министерству, о чемъ онъ написалъ къ правителю канцеляріи Муравьева, П. А. Миллеру, но, получивъ, утвержденіе, немедленно исполнилъ.

По окончаніи ревизіи и перемѣны почти всего состава управленія Гос. Имущ. по доказанной неисправности, негодности и взяточничеству, на меня поступило много гнусныхъ доносовъ къ Муравьеву. На нѣкоторые я долженъ былъ отвѣчать не безъ рѣзкости, и министръ оставилъ всѣ безъ послѣдствій.

Къ сожалѣнію, М. Н. Муравьеву было назначено ѣхать въ Вильно генераль-губернаторомъ для усмиренія края. Это былъ выборъ необыкновенно удачный.

На его мѣсто вступилъ А. А. Зеленый, человекъ превосходный, но время было тяжелое и тѣмъ труднѣе ему приходилось справляться, что министръ Внутр. Дѣлъ, Валуевъ, и генераль-губернаторъ с.-петербургскій, Суворовъ, стояли явно за поляковъ и старались всячески парализовать дѣйствія М. Н. Муравьева, даже останавливали ссыльныхъ въ Спб. и давали имъ средства скрываться отъ преслѣдованій.

Въ 63 году апрѣля 25 оказалось возстаніе въ Могилевской губерніи въ г. Горкахъ, гдѣ помѣщается высшій Земледѣльческій институтъ, на который было сдѣлано нападеніе извѣсною особо собравшеюся шайкою анархистовъ.

О производствѣ слѣдствія былъ докладъ Валуева и образована комиссія, но Зеленый успѣлъ это измѣнить и назначить предсѣдателя отъ себя; относительно назначенія товарища, остановились на мнѣ, какъ болѣе извѣстномъ М. Н. Муравьеву.

Являсь къ министру въ лихорадочномъ пароксизмѣ и, желая уклониться отъ комиссіи и поѣздки, я сослался на болѣзнь, на что А. А. Зеленый отвѣтилъ:

— Время такое, что если бы Государь назначилъ меня

городничимъ, то немедленно поѣхалъ бы. Отказываться нельзя и т. д.

Переговоривъ о многомъ, я былъ вынужденъ согласиться и вскорѣ выѣхалъ въ Могилевъ. Тамъ нашелъ военнымъ губернаторомъ князя Яшвиль, а гражданскимъ Беклемишева. Оба приняли меня какъ нельзя лучше и вскорѣ познакомили съ 2-мя братьями, князьями Любомірскими, изъ которыхъ старшій былъ губерскимъ предводителемъ. Оба вышли изъ лица вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и оставались съ нимъ въ дружбѣ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Могилевѣ для собранія необходимыхъ свѣдѣній я выѣхалъ въ г. Горки, гдѣ нашелъ Земледѣльческій институтъ роскошно устроеннымъ и занялъ большое отдѣленіе, назначенное для пріѣзда высшихъ чиновъ. Здѣсь былъ членъ ученаго комитета, Петерсонъ, какъ экзаменаторъ отъ министерства. Съ нимъ мы пошли по бульварамъ и скоро встрѣтили студента съ бородою, длинными волосами, высокими сапогами и въ фуражкѣ на бекрень и пр. Поравнявшись съ нимъ, я спросилъ фамилію и сказалъ:

— Какъ студентъ института, вы обязаны соблюдать форму, зайдите въ канцелярію, взгляните на рисунокъ и постарайтесь исправить, что нужно. Примите добрый совѣтъ.

Петерсонъ былъ изумленъ и старался объяснить, что такое замѣчаніе воспитаннику такъ ново и неожиданно, что удивить всѣхъ и пр. Мы обошли часть города, въ которомъ было выжжено 52 дома, и видѣли много евреевъ, жалкихъ, крайне смущенныхъ и говорившихъ между собою вслухъ: „что это значитъ? Онъ идетъ одинъ, никого не боится“ и т. д.

Возвратясь въ свое помѣщеніе, я узналъ отъ Петерсона много неизвѣстнаго, очень интереснаго и поучительнаго.

Толпа вооруженныхъ повстанцевъ, произведя въ городѣ общій ужасъ и истребивъ поджогомъ дома, вошла въ институтъ, арестовала директора и была принята всѣми радушно: ихъ угощали чаемъ и закусками, какъ дорогихъ гостей. Начальникомъ банды былъ нашъ штабсъ-капитанъ, академистъ Жверждовскій, который, пробывъ здѣсь день, къ ночи выступилъ въ дальнѣйшій путь, но скоро былъ преслѣдованъ и первый бѣжалъ. Изъ банды схвачено и посажено въ тюрьму до 300-тъ человекъ. Это было въ концѣ апрѣля, а въ маѣ былъ смѣненъ одинъ исправникъ, всѣ прочіе поляки остались на своихъ мѣстахъ, хотя и были извѣстны своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ анархистамъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ институтѣ, преобла-